

АЛЕКСАНДР  
ВАЛЕНТИНОВИЧ  
ПАВЛОВ

## МНОГОМЕРНОСТЬ ПРОВИНЦИАЛИЗМА

*Статья посвящена пространству гуманитарной науки и положению в нем предмета познания.*

### ПРОБЛЕМА ПРОВИНЦИАЛИЗМА

Говоря о провинциализме, хочется оценить его однозначно: не-образованность, узость поля зрения, большие амбиции, претензии и т. д. Вряд ли это следует делать. Подходя к провинциализму «со стороны», поневоле ставишь себя в положение столичного жителя, осуждающего и пренебрежительно поджимающего губы либо же радующегося милым глупостям деревень. Однако не потому ли так трудно подобрать ему антоним, что он — везде и является позицией, также дающей оценку всему непроvincиальному. Трудно избежать вопроса: кто прав в своих оценках — адепты провинциализма или его оппоненты.

Собственно говоря, столичность — это процесс творчества норм и эталонов культуры, а провинциализм — процесс соответствия нормам и эталонам. При таком понимании мы все характеризуемся обоими качествами. О них вообще имеет смысл говорить лишь тогда, когда в силу культурно-исторических причин они разделены в пространстве, когда это — разные города или разные люди, культивирующие тот или иной стиль мышления.

В последние десятилетия если не в профессиональной литературе, то в профессиональных беседах наметилось соглашение, различающее провинциальность и провинциализм. Любопытно желание провести такое различие, ясно намекающее на то, что провинциализм — не обязательно качество мышления провинции. Но тогда чему присуще это качество, в чем его природа?

Проблема диктует, по крайней мере, две задачи.

1. С каких точек зрения возможна постановка проблемы провинциализма?
2. Каким он предстает с этих точек зрения?

Провинциализм, характеризуя мышление, уже этим относится к предметной области гуманитарных наук. Предмет же гуманитарного познания обладает очевидной особенностью, отличающей его от предмета, например, естествознания. Он представляет собой внутренний опыт исследователя, и поэтому от него нельзя дистанцироваться.

Безусловно, отсутствие дистанции не допускает рационального познания. Но в таком случае, как показал И. Кант в «Критике чистого разума», необходима рациональная характеристика субъекта. Описанием его качеств может быть задан ракурс исследования и определено методологическое основание, диктующее точку зрения и видимый с этой точки облик предмета. Так появляется та форма дистанции исследователя от предмета, которую допускает гуманитарное исследование, — ясность понимания предметной и проблемной областей и ясность аргументации.

Предмет присутствует в субъекте, значит, необходима позиция, проявленная и закрепленная в методологических принципах исследования. Анализ предмета со всех отрефлексированных позиций позволяет представить его «объемно». Несколько позиций способны зафиксировать несколько «обликов» провинциализма, выглядящих обособленно, но в действительности единых друг с другом, объединяемых самой целостностью предмета.

Такие позиции становятся своего рода «измерениями», осями пространственно-временного континуума, а каждый «облик» предмета оказывается парамет-

ром, «меткой», определяющей положение предмета в системе координат пространства научной культуры. В таком случае «объемное» представление выступает многомерной моделью, где знание объединяется с воображением и интуицией, а исследователь получает возможность ясно понимать предмет и проговаривать его с точки зрения как науки, так и искусства.

Без сомнения, измерения пространства культуры обусловлены самим ее состоянием. Но и культура, в свою очередь, зависима. Ее пространство является не только формой и методологическим принципом познания, но и принципом ее творчества.

### ПРОСТРАНСТВО ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ: ТРИ ТРАДИЦИОННЫЕ ПРОГРАММЫ

В литературе неоднократно высказывалась мысль об этапах гуманитарного познания. Так, например, И. Ильин различает модернистский этап, отсчитываемый им с XVII в., и постмодерн. Думается, что эта идея перспективна в плане анализа пространства гуманитарной науки, необходимого для анализа предмета статьи.

Гуманитарное познание в XVII–XX вв. в своем развитии действительно проходит, как представляется, несколько этапов. Начинались они в разное время, но различие между ними скорее логическое, чем хронологическое. Они решают разные задачи, а каждая группа задач представляет собою самостоятельную исследовательскую программу, доступную рефлексии. Их можно условно называть классицистской, романтистской (авторский термин), модернистской и постмодернистской программами.

Проблема провинциализма может быть поставлена и решена по-разному. И классическая философия, и современная — обе способны сказать о нем свое. Основным интерпретатором, позволяющим придать знанию общезначимый смысл, является культура. Поэтому определимся, какие «метки» градуируют современное пространство научной культуры и определяют параметры гуманитарного предмета, *в каком пространстве находится субъект, размышляющий сегодня о провинции и провинциализме?*

Представляется, что исследование возможно, по крайней мере, с пяти точек зрения, три из которых обусловлены традициями, одна продиктована сложившимся на сегодня состоянием культуры и еще одна предопределена предметом познания. Следовательно, образ провинциализма в современном гуманитарном познании многомерен.

Предметом гуманитарного познания в конечном счете выступает человек. Однако такой предмет нуждается в уточнении. Что такое «человек» для гуманитарной науки? Что означает «исследовать человека», каких людей она исследует, говоря о провинциализме? Какие фундаментальные методологические установки определяют познание ее предмета?

#### 1. Классицистская программа

На мой взгляд, она исследует «человека вообще» даже тогда, когда направляет свой взгляд на конкретных людей. Ее предметом выступает абстракция действительных человеческих существ как сторона субъект-объектной социокультурной парадигмы, основополагающей для новоевропейской культуры и картины мира.

Ее цель — раскрытие и определение сущности человека, обнаруживаемой либо во всемирной духовности, либо в тотальной материальности, либо в социальности. Человек представляется проявлением материи, общества или мирового духа. Познание же регулируется основным методологическим приемом — редукцией всего многообразия личностей к единому материальному, духовному или социальному основанию.

Классицизм характеризуется отсутствием индивидуального начала. Он требует от гуманитарного познания строить теории по образцу средневековой схоластики, заменяя Бога абстрактной человеческой личностью. Согласно такому образцу, опираясь на философские традиции и на унаследованные культурой предпосылки, постулируется минимальное число аксиом, из которых по правилам дедукции объясняется весь мир, в том числе — и человек. Таковы концепции Г. Гегеля, А. Шопенгауэра, Ф. Шеллинга. Признаки этого наблюдаются в неокантианской философии Марбургской школы (Г. Риккерт, Э. Кассирер), в культурологии О. Шпенглера, в герменевтике Х.-Г. Гадамера, в историческом материализме, в теории кодов культуры Ю. Лотмана.

*Основной методологический принцип классицистской гуманитарной программы состоит в редукции действительных человеческих существ к физической природе, духу или общественным отношениям, которые присутствуют в программе как ее постулаты.*

В теории это выглядит как редукция к виду животных (человек — продукт биологической эволюции), к объективной реальности (человек — продукт эволюции материи), к космической духовности (человек — продукт последовательных самоотчуждений и превращений мирового духа), к религиозным или бытовым традициям (человек — творение Божье или он — культурное существо). Редукция ко всеобщим основаниям превращает самого человека во всеобщее, абстрактное существо.

В отдельном исследовании методологический принцип программы выступает отношением субъекта к объекту, компонентом иерархически выстроенной картины мира, а следовательно, убеждением, ограничивающим подбор конкретных методов их ориентацией на цель редукции — на всеобщие постулаты. То, что для отдельного исследования — цель, для программы в целом — частная задача. Поэтому для исследования *познавать конкретного человека как всеобщее существо означает познавать его основания, условия жизни и отношение к условиям жизни*. Достигая своей цели, исследование привносит свой вклад в общую программу.

Таким образом, для классицистской программы наиболее характерна редукция настоящего к прошлому с абстрагированием от будущего.

Итогом такого познания становится полученная дедуктивным путем теоретическая модель личности, например, как результата социализации, усвоения традиций, продукта межличностных коммуникаций, общественных отношений. Данная модель понимается как инвариант человеческих качеств и в этом смысле — как закон.

### Классицистский образ провинциализма

Провинция в такой философии может быть интерпретирована глазами столицы. Она выглядит продуктом освоения мира неким центром, которому подчинена и с которым неравноправна. Провинциализм же как ментальность провинции становится разумом вторичным, приниженным, послушным, не имеющим стратегической инициативы и только решающим поставленные центром задачи.

Провинция — колония, отсталый уголок, а ее культура оказывается «идиотизмом сельской жизни». Столица — это и основание, и принцип, и субстанция, и запредельный космический разум для провинции, и причина ее существования. Столица — это все, а то, что вокруг столицы, то — провинция: так в разряд мировых провинций, с точки зрения стратегии «бремени белого человека» (Р. Киплинг), сто лет назад попадали и Китай, и Индия. Сорок лет назад, с точки зрения высших государственных интересов, таким виделся север Тюменской области.

Провинция в контексте классики — это «простая земля», не отягощенная творческим напряжением и тяжестью нравственных и интеллектуальных проблем. Все передовое — в столицах, а в провинции — рассуждения о жизни, погоде и урожае.

Сидят на завалинке с махорочными самокрутками в трудно зажатых пальцах и рассуждают. Провинция — место жительства стариков. Стремление молодежи в столицу — это, конечно же, прогрессивная мечта, легко объясняемая классицистской методологией.

В глазах классицистской программы провинция выглядит строительной площадкой, хаосом, нуждающимся в культурации. Столица возвышается над провинцией, воспринимая ее как сырье, материал, «бедных варваров», которых следует поднимать до своего уровня.

Столица же, с точки зрения самой провинции, — первейший враг. С ним бесполезно бороться напрямую, классицизм — мировоззрение слишком могущественной силы, отношение к нему — героическое. Провинциализм подобен древнему греку, противостоящему богам — сверхмогущественной и живущей неподалеку расе. Если нельзя физически победить Зевса, его можно перехитрить, обмануть, ударить исподтишка, а при первой же возможности — предать.

Провинциализм превращается в хитрую мысль, воющую с «глиняным Исполином». Он жалуется, ищет сторонников и оправданий или же стоически переносит унижение. Это — мысль, обиженная непризнанностью и неравенством. Компенсируя неравенство, он создает себе ценности и развивает структуры, формально подобные столичным и носящие те же имена. Это позволяет провинциализму быть «великим», хотя бы для самого себя. Он пишет книги, возвеличивающие свою территорию и происхождение, в музыке и поэзии предпочитает гимны и патриотические песни и стихи. Он создает теории о самом себе. Только одно портит ему настроение: он — не Столица, он не признан нигде дальше околицы.

## 2. Романтистская программа

Она начинается, когда индивидуальность человека заявляет о своей свободе и стремится вырваться за пределы детерминизма. Ею подчеркивается самобытность человека и необходимость его бунта и освобождения от природной и социальной зависимости. Такова философия Ж.-Ж. Руссо, С. Кьеркегора, Ф. Ницше или Х. Ортеги-и-Гассета. Заметны признаки романтизма у К. Маркса.

Романтистскими средствами необходимость бунта и революции, конечно, акцентируется, но зависимость человека от сверхчеловеческих оснований по-прежнему учитывается. Таким образом, *познавать человека, значит, познавать его основания, условия и бунт против них как главное к ним отношение.*

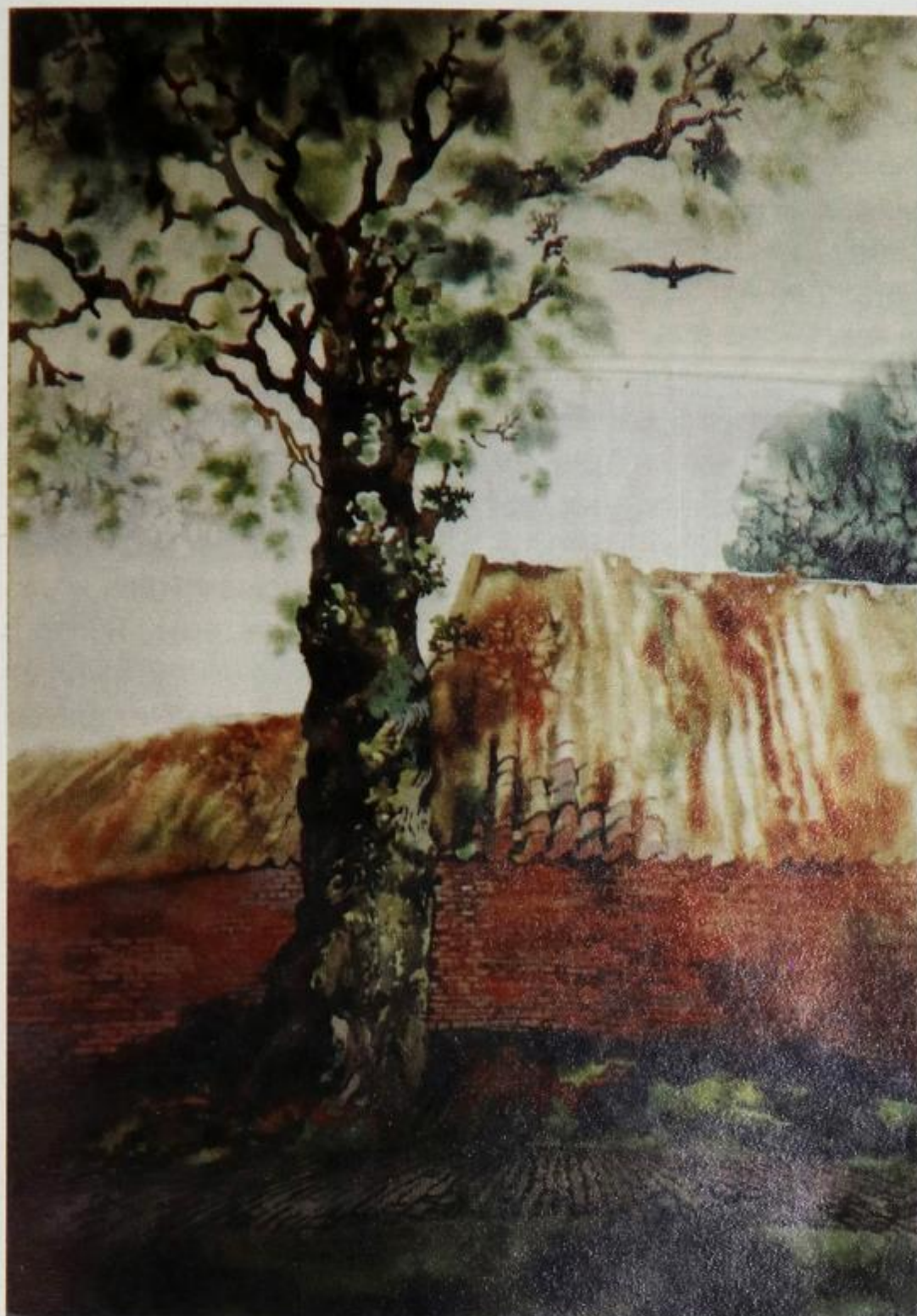
*Результатом романтистского познания выступает интерпретируемая классицистски модель оснований и коммуникаций, а так же целей бунта. При этом цели зачастую выглядят как общественные идеалы.*

*Методологический принцип романтистской гуманитарной программы — редукция внутреннего мира человека к предзаданным условиям и идеалам бунта, устанавливающая связь между прошлым и будущим.*

## Романтистский образ провинциализма

Провинция в рамках такой позиции — скорее, Утопия, Эдем, чем примитивный пятачок земли вдалеке от столичных проблем. Поначалу она воспринимается уставшей от самой себя столицей как цветущая и умиротворяющая страна, «родовое гнездо», где господствует истинная простота нравов и духовность, любовь, благо и красота. Таков, например, западный миф о Востоке, знающем ответы на проклятые вопросы Запада. Таков же и российский миф о Русской Деревне — источнике истинной нравственности. Достаточно сравнить замечательную статью М. Хайдеггера о провинции с размышлениями Г. Гессе о Востоке, чтобы увидеть их сходство.

Провинциализм умилителен, он вызывает тоску по истине, истокам и корням. Он радуется, как растение, у которого тоже корни и истоки. Он заставляет возводить



О. Трофимова. ДЕРЕВО-2

своей самобытности, самодостаточности и ценности, презирающим самодовольство сытых столичных филистеров. Его амбиция велика, он сам хочет быть Столицей, уничтожающей бывших повелителей. Он не знает того, что его система ценностей и его структуры подобны столичным лишь формально. Он убежден, что им и впрямь руководит Высшая духовность, но пришедшая лишь к нему, минуя столицу. Такое убеждение оправдывает претензии, и провинциализм начинает «вещать», провозглашать ту истину, которую столица так хотела от провинции. А истина заключается в том, что никаких столиц нет, а если они и есть, то никак не там, где их привыкли находить.

Провинция начинает завоевывать столицу, учиться в ее университетах, печататься в ее издательствах и выступать на ее конференциях. Она пробивает «своих» в министры и государственные секретари, для того чтобы те, достигнув цели, облегчили остальным завоевание.

### 3. Модернистская программа

Модернизм в гуманитарных науках предметом познания имеет действительное человеческое существо, рассматривая его в отношении к универсальности культуры. Культура выступает продуктом совместного творчества в ходе экзистенциального диалога.

на пьедестал самородков и гордиться ими. Самородки и самоучки ничего, как правило, не совершают — ни открытий, ни изобретений. Однако столице достаточно, что они, как малые дети, уже лепечут на ее языке. Столице кажется, что их к лепету подвигла некая Высшая духовность, пробудившаяся в них под ее мудрым, столичным руководством. Ей тоже хочется Высшей духовности, и она начинает учиться у провинции, не замечая, что уравнивает свою столичность с провинциализмом, что начинается переоценка ценностей и смена акцентов.

Тогда облагороженная столицей провинция превращается в бунтующую колонию. Провинциализм становится разумом революционным, сепаратистским, заявляющим о

Постулируя право каждого на самобытие и тайну, модернистская программа видит в диалоге единство конфликта и взаимопонимания, сотрудничества и соперничества. Это право обуславливает интерсубъектность и создает внутреннее единство всех культурных форм и явлений.

Модернистская система задач появляется тогда, когда человек, наконец, духовно освобождается от сверхличностной детерминации жизни и идентифицирует себя со своей самобытностью и субъективностью. Теперь он исследуется как самобытное существо в контексте социальных и культурных связей. Коротко говоря, модернистская позиция — это право быть самим собой, нуждаясь в других.

Познавать человека модернистски — означает познавать его как творца всеобщих условий жизни, исследовать его внутреннее качество и специфику индивидуального бытия как творчества личностных оснований в целом, жизненного мира и межличностных коммуникаций в частности.

Несмотря на то, что экзистенциализм зарождается в эпоху романтизма и навсегда сохраняет романтическое бунтарство, его расцвет — М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, А. Камю — приходится на эпоху модерна и составляет ее сюжет. Помимо экзистенциализма, наиболее значимыми для модернистского гуманитарного познания становятся теория диалога (М. Бубер, М. М. Бахтин) и структурализм К. Леви-Стросса. У истоков модернизма можно усмотреть философию И. Канта.

*Результатом модернистского познания выступает все та же обобщенная модель оснований личности, понимаемая в качестве универсального проекта жизненных перспектив, складывающихся в ходе творчества и диалога.* В модернистской культуре осуществляется смысложизненное наполнение романтических идеалов, формируются жизненные планы и цели.

*Методологический принцип модернизма, по-прежнему, редукция внутреннего мира человека. Однако это уже редукция к проективной модели, к будущему, игнорирующая прошлое.* Это философия не бунта, а созидания, коллективного строительства.

### Модернистский образ провинциализма

В глазах модернизма, провинциализм — освободившаяся колония, победившая революция, завоеванная столица. Столичность и провинциализм меняются местами. Можно было бы говорить о модернистском образе провинциализма теми же словами, что и в классицистском представлении, если бы не два, по-видимому, специфических свойства.

Одно из них заключается в замечательной демократичности побеждающего провинциализма. Завоевание столицы для него означает выравнивание всех статусов и разрушение существовавшей ранее иерархии ценностей. Он настаивает на укреплении «горизонтальных связей», благодаря которым каждый может договориться о своих интересах, то есть на диалоге равных партнеров.

В таком контексте провинция противопоставлена не столице, а центру, центров же может быть много. «Научная столица», «культурная столица», «промышленная столица», «столица моды», «столица виноделия» — это уже разные города. Административная же столица утрачивает все прочие статусы и остается всего лишь политическим центром, отличающимся, например, от города, в котором она расположена. В противовес одной Академии наук, образуется еще двадцать, в противовес одному правительству страны, возникают правительства областей.

В перспективе, конечно, оппозиция провинциализма и столичности должна утратить глобальное значение и стать проблемой практической психологии. Но, прежде чем это произойдет (если произойдет вообще), им предстоит, вероятно, пройти еще много рука об руку.

Выравнивание столичности с провинциализмом делает обоих маргиналами. Провинция тянется вверх и теряет свои традиционные и бытовые «корни», а сто-

лица опускается вниз и утрачивает «вселенские» основания для своих претензий на гегемонизм. Маргинализация обоих ведет к охлократии, к господству человека массы и к массовой культуре, в которой ценности провинциализма распространяются столичными средствами. В массовой культуре действительные ценности если не обезличиваются, то тонут. Маргинализация является первым признаком побеждающего провинциализма.

Думается, что второй его специфический признак — жестокость, к которой он прибегает, закрепляя победу. Провинциализм в столице — это и неоправданные надежды, возлагаемые на насилие, на целенаправленное строительство новой иерархии, на эксплуатацию во имя новой Утопии. Он встречается с новым сырьем, которое следует культивировать.

### **ПРОСТРАНСТВО ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ: ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ ПРОГРАММА И СОВРЕМЕННЫЙ ОБЛИК ПРОВИНЦИАЛИЗМА**

Во второй половине XX века европейская культура вошла в полосу качественной трансформации, которую уже за полстолетия до этого предчувствовали и называли «кризисом европеизма», а после одноименного труда Ж.-Ф. Лиотара именуют «состоянием постмодерна». Эта эпоха в эволюции культуры привела и к соответствующим формам познания и творчества, к постмодернизму. Он становится четвертым измерением предмета гуманитарного исследования.

Постмодернизм, в первую очередь, интересен не как художественный метод или прием и не как методология *sui generis*, а как онтология культуры, то есть как переломная эпоха и современность, рождающая методологию. В этом случае он формирует «нулевую точку» всей системы координат пространства гуманитарной науки. О нем как об измерении имеет смысл говорить в связи с его структурой, предлагающей дополнительные параметры для анализа предмета исследований. При такой точке отсчета все три традиционные программы тоже становятся постмодернистскими.

Модернизм, будучи противоположным классицизму, как бы завершает виток эволюционной спирали и формально возвращает нас к классике. Если классика видит человека проявлением сверхчеловеческого начала, то модернизм находит все внечеловеческое продуктом индивидуального субъективного творчества и диалога. Так, Э. Гуссерль в «Кризисе европейских наук» подметил субъективизм и полагал, что наука его времени имеет дело не с миром, а с теоретически выстроенной картиной мира.

Классицистская, романтистская и модернистская программы различаются между собой акцентами, но в целом подчинены общей парадигме: *исследовать предмет, значит, изучить его условия, основания и отношения. Для этого строится теоретическая модель и предмет редуцируется к модели.* Сущность всех трех программ заключается в разных формах соотношения всеобщего и единичного. В классицизме на переднем плане находится всеобщее, в модернизме — единичное, романтизм же выглядит переходным между ними состоянием науки.

Методологическая идея постмодерна иная, *предмет индивидуален, и исследовать его надо конкретно и обособленно.*

Исходя из деконструктивистской практики и рассматривая внутритекстовые конфликты, обусловленные «спящим смыслом» (Ж. Деррида), постмодернизм рассуждает следующим образом. И автор, и читатель, создавая или прочитывая один и тот же текст, оба не ведают, что творят. Они вкладывают в текст каждый свои значения, а значения эти имплицитно содержат предпосланные культурой и не осознаваемые ни автором, ни читателем смыслы. Текст становится функцией культуры, а в его собственном смысле образуются так называемые неразрешимости, среди которых на передний план выходит конфликт автора и читателя. Это

дает основание Йельским деконструктивистам заявлять о том, что ни один текст в принципе не может быть понят правильно.

Из такой программы следует, что характерная для эпох трансформации «атомизация» индивидов отделяет их сознание от внешнего мира. «Коллапс» сознания делает познание и практику индивидуальными и изолированными от параллельных действий других. Познание оборачивается самопознанием, а мир видится фрагментарным, разбитым на множество осколков зеркалом, в которое вглядывается мыслитель. Пытаясь увидеть мир, он видит искаженный фрагмент своего лица.

В программе постмодернизма господствует отношение между единичным и единичным. И. Ильин замечает, что деятельность постмодернистов представляется бунтом одиночек против государственных структур. Всеобщее же и универсальное в культуре существует на уровне индивидуальных представлений (в том числе и государственные структуры, против которых нацелен бунт). Проще сказать, постмодернистски настроенный ученый знает, что все его теории не более чем его личное мнение, которое не имеет оснований претендовать на универсальность. Постмодерн, таким образом — это право быть самим собой, не нуждаясь ни в ком. Он считает познание ради высших идеалов иллюзией и следит за тем, чтобы в науке преобладал этот скромный стиль. Но это же и адресуемое другим требование не нарушать общепринятые правила и не претендовать на истину, в первую очередь, требование «знать свое место» адресуется бюрократическим структурам государства.

Ж.-Ф. Лиотар называет постмодерном «состояние культуры после трансформаций, которым подверглись правила игры в науке, литературе и искусстве в конце XIX века». В его версии, суть постмодерна заключается в рациональности, направленной на оптимизацию и автономизацию социальной системы, рассматривающей собственную среду только как материал и условие автономизации и оптимизации. Взгляд на философию из точки постмодерна естественно трактует ее как оправдание любого поступка средствами игры, то есть сложившимися и общепринятыми правилами, не «укорененными» ни в какой онтологии, кроме онтологии самой игры. Традиционные программы опирались на традиции, развивая или переосмысляя их. Постмодернизм же любит традиции как картежник ломберный стол и правила преферанса. Это суровая, рациональная любовь, не допускающая ни малейших изменений.

Наука превращается в игру по принятым правилам, в нашей стране эти правила иллюстрируются образовательными Программами. Ясно, что любое, самое малое, открытие требует своего языка и своих методов. Бдительное соблюдение правил игры запрещает открытие, а значит, и науку. Из познания она превращается в профессию и образ жизни, в обряд, более того — в ритуал. Познание, конечно, продолжается, но уже не благодаря научной культуре, а вопреки ей. Первым, кто заметил эту угрозу, был, вероятно, И. Кант с его замечательной статьей «О недавно возникшем барском тоне в философии». За ним последовал К. Маркс, введший в научный обиход понятие профессорской философии. Собственно говоря, именно тогда, когда гуманитарная наука жестко детерминируется требованиями образовательных Программ, она гибнет как наука и оживает, когда вместо Программ, она обуславливается требованиями, вытекающими из структуры научной теории.

Постмодернистская методология, таким образом, обладает следующими отличительными чертами:

↷ Исследование и его автор оказываются функциями самораспада культуры. В познании доминирует самопознание. В структуре внутреннего опыта рефлексивно выделяется и превращается в теорию социокультурное содержание субъ-



ективности. На ее основе строится модель предмета, становящаяся, таким образом, современной субъекту. Современность же трактуется как целенаправленно и осознанно творимая повседневность в рамках локальной культуры. Следовательно, теория предмета тождественна умозрительной модели субъекта исследований.

⇒ Редукция как методологический принцип меняется на интерпретацию субъектом предмета по аналогии с самим собой. Методология исследования становится подчеркнута наукообразной, но в ее основе доминирует первобытная метафоризация окружающего мира. Вместе с этим абстрагируется осознание и понимание связи предмета с прошлым и с будущим. Предмет рассматривается строго как современный.

⇒ Формой интерпретации становится рациональный анализ предмета в контексте локальной культуры повседневности, обуславливающей логику анализа. Что касается конкретности и индивидуальности субъекта анализа, то они проявляются в его научно-художественном мышлении о предмете через авторские интерпретации «другого», прошлого и будущего как аспектов самой повседневности.

В такой трактовке и провинциализм, и его оппоненты растворяются полностью. Постмодернистски мыслящие исследователи именно себя выделяют в качестве субъектов познания: себя, свои взгляды и собственные интерпретации традиций и идеалов. По отношению друг к другу они — провинциалы, а по отношению к самим себе — носители нового мировидения. На переднем плане помещаются индивидуальные качества человека, рассматривающего социокультурную субъективность как свой внутренний опыт, подчиняющего социальное индивидуальному. *Классицистская, романтистская и модернистская методологии — это принципы исследования, развития и творчества индивидуального в отношении социального опыта и идеалов. Постмодернистское методологическое основание — принцип деконструкции, демонтажа.* Вместе с тем постмодернизм совершенно отчетливо полагает индивидуальность и созвучную ей современность в качестве точки отсчета в системе координат пространства культуры. Это современное мышление современников о современности. Ницше, Хайдеггер и Деррида — современники потому, что Деррида мыслит о Ницше и Хайдеггере.

В таком случае, постмодернистский субъект познания демонстрирует следующие признаки:

1. Он становится ситуационным, то есть непосредственно переживающим необычайность (очевидную непознанность) своей жизни и жизненного мира. Необычайность трактуется как проблемная ситуация. Такая трактовка позволяет в многообразии жизненного мира рационально вычленить локальные структуры повседневности и ввести в них предмет.

2. Онтологическими качествами исследователя оказываются его изолированность и одиночество, переживаемое как «пренебрежение другим», как признание за ним *права быть самим собой и быть неинтересным.* Интересны структуры повседневности, но не их антропоморфная функция, потому что «другой» принципиально непостижим.

3. Межчеловеческие коммуникации и экзистенциальный диалог исследователя с жизненным миром превращаются в «ситуационную коммуникацию», во встречу и конфликт изолированных индивидов и проявляются во взаимном непонимании и неадекватности. Коммуникация становится рациональной структурой повседневности, поверхностным и телесным взаимодействием, обменом обесцененной и лишенной экзистенциальных значений информацией. Всеобщая форма поверхностной коммуникации — это игра как способ свободного утверж-

дения индивидами правил своей личной и социальной жизни. Таким образом, культура постмодерна является культурой целенаправленной игры самодостаточных индивидов.

4. «Другой» не интересен и не нужен, однако он есть, и деваться от этого некуда. Неизбежная реальность «другого» в условиях поверхностных коммуникаций меняет значение диалога. Он теряет смысл в качестве цели, но в нем возрастает его экзистенциальная сторона. Диалог становится простым сосуществованием с «другими» и имплицитной комплементацией ценностей индивидов помимо осознания и рационального действия. Поэтому и *мир такой культуры есть обособленный мир, свободно осуществляющий творчество и интерпретацию как своего прошлого, так и своего будущего.*

5. В экзистенциальном диалоге происходит творчество людьми друг друга, а в рациональной коммуникации — противостояние индивидов. Конфликт экзистенциального и рационального неизбежно ведет к изменению типа рациональности посредством все тех же демонтажа и деконструкции сложившегося к XX в. европейского разума. *Демонтаж разума провоцирует всплеск мистицизма.*

На самом деле, постмодерн — это временная граница, до которой способна дойти культура, исчерпавшая свой внутренний потенциал. Состояние постмодерна выступает периодом качественной трансформации и зарождением новой культуры. Перспективы будущего содержательно не прогнозируемы, потому что большинство социальных законов, характерных для прошлого, перестают работать, они попросту исчезают вместе с самим социальным организмом и его культурой. Общество рассыпается на самодостаточных и обособленных друг от друга субъектов. Будущее начинает зависеть от того, какой из субъектов сможет стать новым системообразующим фактором, кто придаст основной импульс дальнейшей эволюции и сумеет стать началом, объединяющим разрозненные атомы.

В содержании постмодерна всегда скрыты две тенденции: одна — деструктивная, переживающая распад как свое время, увлеченная игрой и игнорирующая свою сущностную бессмысленность, олицетворяющая собой социальное небытие, другая же — конструктивная, озабоченная поиском нового смысла и созданием перспектив. Она, в случае удачи, оказывается... «протоклассицизмом». Возможно, такую же роль сыграли досократики для Античности или поздний эллинизм для Средневековья. Протоклассицизм, в свою очередь, формирует основания грядущих перспектив культуры.

В глазах постмодерна, столица как центр притяжения земель или фокус культуры окончательно теряет значение и становится формальной претензией на руководство, оспариваемой всеми вокруг. Провинция теперь не просто самообусловлена, а культурно самодостаточна и равноправна со столицами. *Сегодня именно самодостаточность — главный признак провинциализма как качества мышления. Опирается же в своей самодостаточности не на что кроме мистического опыта и формальных коммуникаций.*

\*\*\*

Гуманитарный предмет многомерен уже потому, что его познание одновременно является его творчеством. Каждая методологическая позиция соучаствует в изображении всей культуры.

Гуманитарное исследование находится в контексте всех описанных выше четырех программ. Краткая характеристика провинциализма с этих точек зрения показывает, что он качественно меняет облик в зависимости от того, с какой позиции его рассматривать.

В чем же заключается его необходимость? Думается, это наглядно показывает постмодернистская программа, частично возвращающая нас к первобытности, то

есть к тем временам, когда общество, в современном смысле слова, как цивилизация еще не сформировалось.

Как не сформировавшийся социум, так и рассыпающийся заставляют рассматривать любого субъекта самодостаточным. Индивид, институт, группа, семья, этнос, страна существуют, прежде всего, для них самих. *Культура добровольной изоляции, невосприимчивость к чужим ценностям, неспособность найти в самом себе силы для самораскрытия — именно они и обуславливают то мировосприятие, какое называют провинциализмом.* Но такое название оно получает не раньше, чем заявляет о себе противоположная ему открытая культура комплементарности качественно разнородных субъектов.

Провинциализм может быть разным и зависит от того, кто его создает. Это просто человеческое мышление, определившее свое негативное отношение к чужой культуре. Провинциализм — это самодовольство, а не-провинциализм — это, пожалуй, недовольство собой.

ГЕННАДИЙ  
АНДРЕЕВИЧ  
КРАМОР

## СТОЛИЦА И ПРОВИНЦИЯ: ЧЕТЫРЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

*В статье рассматривается диалектическая взаимосвязь понятий столичного и провинциального, взаимообусловленность бытия столицы и провинции как культурных образований, представляющих в системе поселений. В качестве исследовательской модели взята круговая модель культуры, на основе которой выделяется четыре аспекта взаимоотношений столицы и провинции, в т. ч. и маргинальность последней.*

Характер классических взаимоотношений столицы и провинции прекрасно описан Н. К. Пиксановым как «контраст богатства и скудости»: «В столице сосредоточиваются материальные богатства, технические средства, организационная власть, культурные силы, международное общение. Здесь создаются, берегутся и эксплуатируются лучшие достижения национальной и интернациональной культуры. <... > Столица выкачивает из провинции и материальные средства и духовные силы» [Пиксанов 1928:52]. В противоположность этому постмодернистская мировоззренческая парадигма провозглашает равнозначность, равноценность центра и периферии, столицы и провинции; по мнению некоторых исследователей, лозунг современности — «Провинция обретает глобальное измерение» [Качкин 1999:123]. Означает ли это исчезновение дихотомии «столица–провинция»? Попробуем для разрешения этого вопроса разобраться в некоторых особенностях взаимоотношения двух явлений.

Понятия столицы и провинции контражны: столица — это то, что не является провинцией, и наоборот<sup>1</sup>. В самом общем смысле столицей может быть названо средоточие максимальной качественности, «культурности»<sup>2</sup> того или иного вида деятельности субъекта культуры (человека), конкретно (пространственно) выраженное в виде некоего поселения<sup>3</sup>. Соответственно, провинция, наоборот, характеризуется иной мерой качества деятельности, пониженной ее интенсивностью<sup>4</sup>. Так, если рассмотреть простейший уровень взаимоотношения столицы и провинции, условно выраженный дихотомией «город–деревня», их оппозиция с экономической точки зрения будет выражена именно в характере производства: город